

УДК 1(091)
ББК 87.3
М33

Рукопись подготовлена по результатам исследования, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент Института гуманитарных наук
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
И.О. Дементьев;

доктор исторических наук, профессор кафедры древней и новой истории России
Пермского государственного национального исследовательского университета
К.И. Шнейдер

Матвеев, С. Р. Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо [Текст] / С. Р. Матвеев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 232 с. — 300 экз. — ISBN 978-5-7598-1911-0 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-2034-5 (e-book).

Монография представляет собой первый опыт реконструкции политической теории французского либерального консерватизма на материале сочинений Франсуа Гизо. Предпринята попытка воссоздания интеллектуального ландшафта эпохи Реставрации и Июльской монархии. Выясняется значение политической теории Гизо как системы философских воззрений, легших в основу французского либерального консерватизма. Уточнены основные компоненты доктрины французского либерального консерватизма, который представляет собой важную часть французской политической мысли и общественной жизни XIX в. Изучение этой традиции позволяет воссоздать разнонаправленный процесс становления французского гражданского общества и правового государства. Работы Франсуа Гизо (1787–1874) стали теоретическим фундаментом этого процесса. В монографии философские основания французского либерального консерватизма определены и описаны через анализ ключевых понятий, а также проблем свободы, равенства, власти, суверенитета, телеологии и историософии в работах Франсуа Гизо.

Книга адресована историкам, философам, специалистам по политической мысли и историкам идей, а также преподавателям и студентам гуманитарных специальностей.

УДК 1(091)
ББК 87.3

На обложке — бронзовая медаль с изображением Франсуа Гизо, автор — Jean Jacques Feuchère (1807–1852) <[https://commons.wikimedia.org/wiki/File:François_Pierre_Guillaume_Guizot_\(1787–1874\)_MET_DP100558.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:François_Pierre_Guillaume_Guizot_(1787–1874)_MET_DP100558.jpg)>; подпись Франсуа Гизо на фронтисписе его книги *A Popular History of France, from the Earliest Times*. Vol. 1 <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:François_Guizot_signature.png>

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1911-0
ISBN 978-5-7598-1911-0 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-2034-5 (e-book)

© Матвеев С.Р., 2019

Оглавление

Постановка проблемы	4
Глава 1. Французская политическая культура и общественная жизнь первой половины XIX века	30
О роли контекста	35
Общественно-политическая жизнь в посленаполеоновской Франции.....	39
Интеллектуальный ландшафт посленаполеоновской Франции.....	78
Глава 2. Истоки политической теории Франсуа Гизо	103
Истоки мировоззрения	103
Политическая карьера.....	119
Глава 3. Философия либерального консерватизма	144
Система понятий в философии Гизо	144
Историософия	151
Свобода, равенство и власть.....	175
Концепция среднего класса как социальной опоры либерального консерватизма.....	184
Проблема суверенитета	195
Заключение	213
Источники и литература	216

*Посвящается профессору
Ирине Максимовне Савельевой*

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Французская история конца XVIII — начала XIX в. дала беспрецедентный пример социально-политических трансформаций, произошедших в течение жизни одного поколения. В 1789–1852 гг. во Франции прогремели три революции, было принято десять конституций, провозглашено три конституционные монархии, две республики и две империи. Страна стала своеобразной политической лабораторией, в которой сталкивались, взаимодействовали и трансформировались философские идеи, политические доктрины и социальные теории. Именно в это время сформировались принципы, составляющие ядро классических идеологий двух последних столетий: либерализма, консерватизма и социализма. Важным фактором рождения идеологий было общественное понимание процесса социальных изменений. Революция 1789 г. доказала, что социальная динамика, а не социальная статика, является нормальным состоянием общества. Так была обозначена проблема регулирования развития: консерваторы стремились его замедлить, революционеры — ускорить, и все политические силы пытались открыть механизм воздействия на процесс изменений¹.

Идеологии кристаллизуют общие убеждения и ценности различных социальных групп, при этом интерпретируя мир, который есть, как мир, каким он должен быть; они представляют собой организующие волю людей проекты сосуществования. Идеологическое разнообразие порождает различное видение прошлого, настоящего и будущего. Идеологии служат системой координат для политиков и рядовых граждан, которые получают возможность понимать логику действий того или иного лидера. Идеология является лишь одной из составляющих политической культуры, поскольку она накладывается на особенности общества: «Англосаксонский консерватизм отличает-

¹ См.: *Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today. Cambridge, 1987. P. 315.*

ся от континентального, подобно тому, как итальянский коммунизм не похож на китайский»².

Горизонтальная маркировка политического пространства по линии левые — правые восходит к эпохе Французской революции, когда союзники и оппоненты королевской власти расположились соответственно в правой и левой части зала Национального собрания. Деление на два идеологических фланга закрепились в массовом сознании и мире политики, а также стало использоваться при анализе политическими историками и теоретиками. Однако Рене Ремон во введении к работе «Правая³ во Франции» справедливо говорит о сложности однозначного определения левой или правой в реальном политическом пространстве и бесконечном расширении политического спектра, который уже включает идеологов правых и левых, правые и левые партии, коалиции правых и левых, правый и левый центр, а также много-

² Руткевич А. М. Что такое консерватизм? М.; СПб., 1999. С. 7.

³ Из заметки Ильи Дементьева: «[Такой вариант перевода] — это не только знак следования букве французской традиции, но и проявление уважения к отечественной историографии. Для дореволюционной историографии это вообще было в порядке вещей. Н.И. Кареев пишет о том, что «крайняя правая в 1822 г. достигла торжества», а «Арман Каррель упрекал крайнюю правую за то, что она ищет какую-то нацию, помимо той, которая читает газеты, возбуждается парламентскими дебатами...» (Кареев Н.И. Типологические курсы по истории государственного быта. V. Происхождение современного народно-правового государства. СПб., 1908. С. 259, 263). Причем Кареев использует этот прием не только в отношении Франции. На с. 397 речь идет о том, что «правая удалилась» — о событиях в Пруссии 1849 г.; на с. 412 «правая ...оставила город» (об Австрии).

Е.В. Тарле («Рабочий класс во Франции в эпоху революции»): «Малуе, член правой, спрашивал...» <<http://litresp.ru/.../tarle-evgenij.../sochineniya--tom-ii/2>>. Примерам несть числа. Собственно, это понятие было перенесено даже на русскую ситуацию, ср.: Шингарев А. И. «Крайняя правая в Государственной думе о земельном вопросе» (1907).

В советской историографии эта традиция сохранилась. Б.Г. Реизов пишет: «Барант несколько пал духом. В 1821 г., раздраженный политикой крайней правой, он напечатал резко полемическую брошюру...» (Реизов Б.Г. Французская романтическая историография. 1815–1830. Л., 1956. <[http://istmat.info/.../fran-romantiq-historiography_b-g...>](http://istmat.info/.../fran-romantiq-historiography_b-g...)) и т.п. Сам В.И. Ленин употребляет этот вариант! «Против бойкота встали оппортунистические социал-демократы и крайняя правая буржуазной демократии» («Первые итоги политической группировки», ПСС, т. 5).

Для точности перевода еще может быть важным различать правую [традицию] (у Ремона) и правых (например, «Histoire des droites en France», 1992). Если все передавать как «правые», оттенки смысла могут потеряться (И.О. Дементьев. 2 марта 2018 г. Публикация в сети Facebook/com).

численные промежуточные состояния⁴. Среди правых встречаются и либералы, и откровенные враги парламентаризма, а среди левых — сторонники сильного государства и порядка⁵.

Стремление к социально-политической стабильности и нормальному функционированию общественных структур сделало возможным либерально-консервативный консенсус, в котором либералы и консерваторы избегают искушений радикализма. Либерализм и консерватизм «взаимодополняются и взаимокоррелируются, давая происхождение весьма сложным смешанным формам, идейная направленность и сущность которых определяется даже не столько их принадлежностью к тому или иному политическому направлению (как и любые категории, либерализм и консерватизм нигде не существуют в “чистом” виде, это всего лишь абстракции, понятийные орудия)»⁶. Либеральный консерватизм основан на нескольких фундаментальных принципах, синтезирующих либеральную и консервативную идеологию. Это рациональность, которая вместе со свободой составляет ядро представлений о человеке — антропологической модели, которая явно или скрыто лежит в основе любой политической философии: «Не имея скрытого или явного объяснения свободы (или ее отсутствия) и рациональности (или иррациональности) политическое знание остается на уровне описательном и не поднимается до теоретического»⁷. Либеральный консерватизм сочетает просвещенческий оптимизм в отношении возможностей разума со стремлением к политическому порядку и определению рамок дозволенного в реальном политическом пространстве. Таким образом, место либерального консерватизма на шкале «левые — правые» определяется через три сложных и противоречивых понятия — свобода, рациональность и порядок.

⁴ См.: *Rémond R. La droite en France de la Première Restauration à la Ve République.* Paris, 1963. P. 13.

⁵ См.: *Ibid.* P. 19–20.

⁶ Федорова М.М. Либеральный консерватизм и консервативный либерализм (сравнительный анализ английской и французской политической философии времен Великой Французской революции) // От абсолюта свободы к романтике равенства (из истории политической философии). М., 1994. С. 58.

⁷ Чалый В.А. Рациональность в либеральных философских теориях // Кантовский сборник. 2011. № 4 (38). С. 30.

Свобода и рациональность являются антропологическими основаниями либерального консерватизма. Левые теории, представленные в посленаполеоновской Франции либеральными демократами и социалистами, базируются на идее равенства и ставят свободу в подчиненное положение, носителем рациональности становятся коллективные субъекты — государство, нация, класс, партия, т.е. рациональность перестает быть человеческой⁸. Правые теории, представленные традиционалистами, также ориентируются не на человеческую рациональность, а на некий идеальный субъект — Провидение или Божественная воля — им свойственно «недоверие к человеческому в человеке», свободное «естественное» противопоставляется несвободному «человеческому»⁹.

Французский либеральный консерватизм располагается между двумя полюсами — левым (последователи Ж.-Ж. Руссо) и правым (последователи Ж. де Местра и Л. Бональда). Он возник в результате приспособления политико-философской мысли либерального и консервативного толка к политической реальности посленаполеоновской Франции. Появление либерального консерватизма связано с процессом фрагментации основных идеологий, который начался в XIX в. и выразился в выделении в рамках общего направления более узких течений, сражающихся друг с другом подчас более ожесточенно, чем с «чужими» идеологиями. Таким образом, история и теория французского либерального консерватизма является важной частью политической мысли и общественной жизни Реставрации (1814–1830) и Июльской монархии (1830–1848). Либеральный консерватизм возник в результате диалога между представителями различных политических течений и вобрал в себя комплекс на первый взгляд противоречивых идей, синтез которых органично вписывается в контекст политического развития страны. Не принимая во внимание опыт французского либерального консерватизма, трудно понять родство и близость двух ключевых политических идеологий Нового времени, а также механизм становления гражданского общества во Франции XIX–XX вв.

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Там же. С. 30–31.

Французский либеральный консерватизм имеет философские истоки в работах доктринеров, интеллектуальным и политическим лидером которых был великий историк Франсуа Гизо (1787–1874). В отличие от классической политической и социальной философии либеральный консерватизм ориентирован на актуальную политическую повестку, к проблемам которой неоднократно обращались его теоретики.

Философия Гизо долгое время оставалась малоизвестной политическим теоретикам англоязычного мира¹⁰. В корпус безусловной научной классики вошли его исторические работы. Однако интеллектуальная деятельность Гизо не ограничивалась областью истории: он компилировал справочники, составлял словари, писал статьи по литературе, педагогике и искусству, а также был автором философских сочинений. Политические трактаты Гизо выражали дух времени, беспокойного и необычайно динамичного периода 1789–1852 гг. Мощные потрясения европейского порядка, крах монархии во Франции, завоевания и трагедии Революции, многочисленные войны наполеоновской эпохи и ожесточенные дискуссии периода Реставрации нашли отражение в философии Гизо. Однако его имя не появляется ни в одной крупной антологии политической мысли, а большинство его политических сочинений никогда не были переведены на какие-либо языки. Либеральный консерватизм представляет собой важную часть французской политической мысли и общественной жизни XIX в. Изучение этой традиции позволяет воссоздать разнонаправленный процесс становления гражданского общества и правового государства в периоды Третьей, Четвертой и Пятой республик. Работы Гизо участвовали в этом строительстве в качестве теоретического фундамента.

В монографии проведена реконструкция философских оснований французского либерального консерватизма через анализ ключевых понятий, а также проблем свободы, равенства, власти, суверенитета, телеологии и историософии в работах Франсуа Гизо. Эта работа потребовала тщательной контекстуализации взглядов французского историка в политический процесс и интеллектуальную культуру Франции первой половины XIX в.

¹⁰ См.: *Craiutu A. Liberalism under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires*. Oxford, 2005. P. 39.

Хронологические рамки книги охватывают период становления либерального и консервативного движения во Франции: от начала Французской революции (1789) до провозглашения Второй империи (1852). Конечно, установленные границы не могут быть жесткими. Зарождение консервативного движения связывают с реакцией на начало Революции 1789 г., а либеральное движение заявляет о себе в предреволюционные годы, когда уже были ясны основные идеи движения и появились первые политики, готовые реализовать их на практике. Многие значительные работы Гизо и в первую очередь его мемуары вышли в свет после 1852 г. Тем не менее Гизо принадлежал поколению, детство и юность которого пришлось на годы Революции и Империи; возможность для реализации либеральных и консервативных идей появилась лишь при Реставрации, когда идеологии начали обретать определенную политическую структуру. Июльская монархия, правление Луи-Филиппа Орлеанского, стала временем политического воплощения либерального консерватизма. Февральская революция 1848 г. привела к политической гибели Гизо.

Классикой исторического жанра являются труды Гизо «История цивилизации во Франции» в шести томах (1829–1930) и «История цивилизации в Европе» (1829). Эти сочинения родились из лекционных курсов, прочитанных им на пике своей академической и общественной популярности в 1826–1830 гг. Они стали событием не только научной, но и общественной жизни, получили большой резонанс в Европе, подвели итог всей исторической работе Гизо в период Реставрации и развили многие идеи, намечавшиеся в ранних трудах мыслителя. Первые наброски своих исторических взглядов и философского метода Гизо делает в предисловии к переводу книги английского историка Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи»¹¹ (1807–1812). Они получают развитие в лекциях, которые Гизо начал читать в Сорбонне с 11 декабря 1812 г.¹² Лекции курса публиковались в “*Journal des Cours publics*” сразу после прочтения, но не в авторской редакции, а по конспектам слушателей. В 1851 г., покинув политическую жизнь, Гизо издал в двух томах собственный вариант этого курса под названием «История представительного правления

¹¹ *Gibbon É. Histoire de la décadence et de la chute de l'Empire romain: en 13 vols. Paris, 1812 (Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: в 7 т. Т. 1. СПб., 2006).*

¹² Часть этих лекций опубликована в приложении к первому тому мемуаров.

в Европе»¹³. Б. Реизов, сличивший два издания, обратил внимание на незначительность правок, внесенных Гизо и сделал заключение: сам факт переиздания свидетельствует о том, что курс выражал подлинные взгляды Гизо, уже и в 1820 г. достаточно отчетливые и устоявшиеся¹⁴. Идея эволюции общества и человека, ставшая основой историософии, впервые встречается в работе «О состоянии изящных искусств во Франции и о Салоне 1810 года»¹⁵ (1810).

Политическая теория Гизо сформулирована в «Некоторых соображениях по вопросу свободы прессы»¹⁶, «Представительном правлении и текущем состоянии Франции»¹⁷, «О средствах правления и оппозиции в современной Франции»¹⁸, «О смертной казни за политические преступления»¹⁹, «Истории цивилизации в Европе»²⁰, «Политической философии: о суверенитете»²¹, а также в «Мемуарах»²². Большая часть политических сочинений Гизо цитируется в настоящем исследовании по прижизненным изданиям.

Для понимания взаимоотношений воззрений Гизо с либеральными и консервативными доктринами потребовалось обратиться к источникам по истории французского либерализма и консерватизма. Это трактаты А. Дестют де Траси, Б. Констан, Ж. де Сталь, Ж. де Местра, Л. де Бональда, Ф.Р. Шатобриана. Большое значение имеют сочинения доктринеров — П.П. Руайе-Коллара и Ш. Ремюза. В работах этих авторов по-

¹³ *Guizot F. Histoire des origines du gouvernement représentatif en Europe: en 2 vols. Paris, 1851.*

¹⁴ См.: *Реизов Б.Г. Французская романтическая историография. 1815–1830. С. 180.*

¹⁵ *Guizot F. De l'état des Beaux-Arts en France et du Salon de 1810. Paris, 1810.*

¹⁶ *Guizot F. Quelques idées sur la liberté de la presse. Paris, 1814.*

¹⁷ *Guizot F. Du gouvernement représentatif et de l'état actuel de la France. Paris, 1816.*

¹⁸ *Guizot F. Des moyens de gouvernement et d'opposition dans l'état actuel de la France. Paris, 1821; Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции в современной Франции // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 263–491.*

¹⁹ *Guizot F. De la peine de mort en matière politique. Paris, 1822.*

²⁰ *Guizot F. Cours d'histoire moderne. Histoire générale de la civilisation en Europe depuis la chute de l'Empire romain jusqu'à la Révolution française. Histoire de la civilisation en France depuis la chute de l'Empire romain: en 6 vols. Paris: Pichon et Didier, 1829–1832.*

²¹ *Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 507–588.*

²² *Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Vol. 1–8. Paris, 1858–1867.*

степенно выкристаллизовывались либеральные и консервативные ценности, формировался понятийный аппарат, оттачивалась аргументация.

Важную роль сыграло обращение к работам французских (А. Барду²³, Ф. Бенетон²⁴, Г. Брольи²⁵, Ж. Голдстейн²⁶, А. Жарден²⁷, Л. Жирар²⁸, Л. Дельбе²⁹, К. Лефор³⁰, А. Мишель³¹, М. Прело³², Ш. Путас³³, Р. Ремон³⁴, П. Розанваллон³⁵, А.-Ж. Тудес³⁶, Р. Фоссар³⁷, К. Шарль³⁸, В. Робер³⁹, Л. Теис⁴⁰, П. Триомф⁴¹), английских (Дж. Голторп⁴², Д. Джонсон⁴³,

²³ *Bardoux A.M.* Guizot. Paris, 1894; *Bardoux A.M.* La jeunesse de La Fayette, 1757–1792. Paris, 1892; *Bardoux A.M.* Le comte de Montlosier et le gallicanisme. Paris, 1881.

²⁴ *Beneton P.* Le conservatism. Paris, 1988.

²⁵ *Broglie G.* Guizot. Paris, 1990; *Broglie G.* Histoire politique de la “Revue des deux mondes” de 1829 à 1979. Paris, 1979; *Broglie G.* La Monarchie de Juillet. 1830–1848. Paris, 2011.

²⁶ *Goldstein J.* The Post-Revolutionary Self: Politics and Psyche in France, 1750–1850. Cambridge, 2005; *Goldstone J.* The Comparative and Historical Study of Revolutions // *Annual Review of Sociology.* 1982. Vol. 8. P. 187–207.

²⁷ *Jardin A.* Histoire de libéralisme politique. Paris, 1985.

²⁸ *Girard L.* Les libéraux français. 1814–1875. Paris, 1985.

²⁹ *Delbez L.* Les Grands courants de la pensée politique française depuis le XIXe siècle. Paris, 1970.

³⁰ *Лефор К.* Политические очерки (XIX–XX века). М., 2000.

³¹ *Мишель А.* Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времен революции. М., 2008.

³² *Prélot M.* Histoire des idées politiques. Paris, 1970.

³³ *Pouthas Ch.-H.* Guizot pendant la Restauration. Paris, 1923; *Pouthas Ch.-H.* La Jeunesse de Guizot. Paris, 1936; *Pouthas Ch.-H.* Le Jeunesse de François Guizot. Paris, 1937.

³⁴ *Rémond R.* La droite en France de la Première Restauration à la Ve République; *Rémond R.* Le XIX-e siècle. 1815–1914. Paris, 1974.

³⁵ *Rosanvallon P.* Le moment Guizot. Paris, 1985; *Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка. М., 2007.

³⁶ *Tudesq A.-J.* La démocratie en France depuis 1815. Paris, 1971.

³⁷ *Fossaert R.* La théorie des classes chez Guizot et Thierry // *La Pensée.* 1955. No. 1. P. 20–32.

³⁸ *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М., 2005.

³⁹ *Robert V.* Le temps des banquets. Politique et symbolique d’une génération (1818–1848). Paris, 2010.

⁴⁰ *Theis L.* François Guizot. Paris, 2008.

⁴¹ *Triomphe P.* L’Europe de François Guizot. Paris, 2002.

⁴² *Goldthorpe J.H.* Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford, 1980.

⁴³ *Johnson D.* Guizot: Aspects of French History, 1787–1874. London; Toronto, 1963.

Дж. МакКлилен⁴⁴, Л. Макфарлан⁴⁵), американских (М. Кокс⁴⁶, А. Крей-уту⁴⁷, Л. МакГирр⁴⁸, С. Меллон⁴⁹, Р. Нисбет⁵⁰, У. Риди⁵¹, К. Робин⁵², Р. Солто⁵³), испанских (Л. Диез дель Корраль⁵⁴), немецких (Н. Больц⁵⁵, Л. фон Мизес⁵⁶), голландских (Ф. Анкерсмит⁵⁷), канадских (У. Кимлика⁵⁸, К. Макферсон⁵⁹) и российских (А.С. Алексеев⁶⁰, М.А. Алпатов⁶¹,

⁴⁴ *McClelland J.S.* A History of Western Political Thought. London, 1996.

⁴⁵ *Macfarlan L.* Modern Political Theory. London, 1970.

⁴⁶ *Cox M.R.* The Liberal Legitimists and the Party of Order under the Second French Republic // French Historical Studies. 1968. Vol. 5. P. 446–450.

⁴⁷ *Craiutu A.* Liberalism Under Siege...; *Craiutu A.* Between Scylla and Charybdis: the “Strange” Liberalism of the French Doctrinaires // History of the European Ideas. 1998. Vol. 24. P. 243–265; *Craiutu A.* Tocqueville and the Political Thought of the French Doctrinaires (Guizot, Royer-Collard, Rémusat) // History of Political Thought. 1999. Vol. XX. No. 3. P. 456–493.

⁴⁸ *McGirr L.* Suburban Warriors: The Origins of the New American Right. Princeton, NJ, 2001.

⁴⁹ *Mellon S.* The Political Uses of History: A Study of Historians in the French Restoration. Stanford, 1958.

⁵⁰ *Nisbet R.* Conservateurs et libertariens: des cousins difficiles [Электронный ресурс] // Contrepoints le nivellement par le haut. 2011. <<http://www.contrepoints.org/2011/04/22/22411-conservateurs-et-libertariens-des-cousins-difficiles>>; *Nisbet R.* Conservatism: Dream and Reality. Minneapolis, 1986.

⁵¹ *Reedy W.* The historical imaginary of social science in post-Revolutionary France: Bonald, Saint-Simon, Comte // History of the Human Sciences. 1994. Vol. 7 (1). P. 1–26.

⁵² *Робин К.* Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин. М., 2013.

⁵³ *Soltau R.* French Political Thought in the Nineteenth Century. New Haven, 1959.

⁵⁴ *Diez del Corral L.* El liberalismo doctrinario. Madrid, 1956.

⁵⁵ *Больц Н.* Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. М., 2014.

⁵⁶ *Мизес Л.* Либерализм. Челябинск, 2014.

⁵⁷ *Анкерсмит Ф.П.* Политическая репрезентация. М., 2012.

⁵⁸ *Кимлика У.* Современная политическая философия: введение. М., 2010.

⁵⁹ *Макферсон К.Б.* Жизнь и времена либеральной демократии. М., 2011.

⁶⁰ *Алексеев А.С.* Возникновение конституций в монархических государствах континентальной Европы XIX в. Ч. 1: Французская конституционная хартия 1814 г. М.; Л., 1914.

⁶¹ *Алпатов М.А.* Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.; Л., 1949.

В.А. Бутенко⁶², В.М. Далин⁶³, И.О. Дементьев⁶⁴, Н.И. Кареев⁶⁵, Б.Г. Реизов⁶⁶, А.М. Руткевич⁶⁷, Н.П. Танышина⁶⁸, М.М. Федорова⁶⁹, Е.И. Федосова⁷⁰) исследователей, посвященным различным аспектам жизни и творчества Гизо, интеллектуальной культуре посленаполеоновской Франции, а также проблемам французского либерального консерватизма.

Несмотря на внушительное количество исследований, Гизо до сих пор не воспринимается специалистами в качестве оригинального политического мыслителя, недостаточно изучен его философский вклад в разработку теоретического обоснования политической системы орлеанизма, а также мало известна степень влияния идей Гизо на французскую политическую философию. Исследователи в массе своей не придали значения факту существования непосредственной связи между исторической концепцией, политической философией и государственной деятельностью Гизо. Однако внимательное чтение его работ позволяет понять, что перед нами не автор второго ряда, а человек, который имеет право называться одним из отцов-основателей либерального государства во Франции. Справедлива метафора

⁶² Бутенко В.А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 1. 1814–1820. СПб., 1913.

⁶³ Далин В.М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981.

⁶⁴ Дементьев И.О. Политическая теория Алексиса де Токвиля и французский либерализм первой половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Калининград, 2004.

⁶⁵ Кареев Н.И. История Западной Европы в средние десятилетия XIX века // Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: в 5 т. Пг., 1916. Т. 5.

⁶⁶ Реизов Б.Г. Французская романтическая историография. 1815–1830.

⁶⁷ Руткевич А.М. Времена идеологов: Философия истории «консервативной революции» // Гуманитарные исследования. WP6. № 02. ГУ ВШЭ, 2007.

⁶⁸ Танышина Н.П. Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма. М., 2000; Танышина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005; Танышина Н.П. Франсуа Гизо: Политическая биография. М., 2016.

⁶⁹ Федорова М.М. Классический французский либерализм первой четверти XIX века // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 5–22; Федорова М.М. Классическая политическая философия. М., 2001; Федорова М.М. Либерализм первой половины XIX в. // Европейская политическая мысль XIX века. М., 2008. С. 30–66.

⁷⁰ Федосова Е.И. Франсуа Гизо во главе МИД Франции (1840–1874) // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 136–144.

американского исследователя А. Крейуту: «Если сравнить историю политической мысли с фондовым рынком, Гизо будет одной из наиболее недооцененных акций, в которую мудро инвестировать»⁷¹.

Философия Франсуа Гизо осталась малоизвестной в англосаксонской традиции, да и в глазах французских исследователей провал государственного деятеля дискредитировал его как политического теоретика. Усугубила ситуацию «вторичность» эпохи Реставрации и Июльской монархии, «серого мимолетного межвременья». Однако именно в эти годы многие либеральные принципы впервые были опробованы на практике и стали неотъемлемой частью французской, а затем и европейской политической культуры. В результате парламентских дискуссий и государственных кризисов создавались политические и идейные коалиции; классические теории, существовавшие в умах и на страницах трактатов, начали стремительно меняться. Таким образом родилась модель французского либерального консерватизма, она же стала теоретическим фундаментом Июльской монархии⁷². Наиболее последовательным и значительным представителем этого течения был Гизо, теоретик и практик либерального консерватизма, стоявший у истоков этой философии и политической системы, ставший свидетелем забвения первой и краха второй.

Характерным заблуждением исследователей стала привычка разделять деятельность Гизо как либерального теоретика периода Реставрации и Гизо как консервативного практика времен Июльской монархии⁷³. Распространена также сомнительная фрагментация интеллектуальной и политической биографии Гизо на практически независимые периоды, характеристики которых заставляют усомниться, об одном ли персонаже идет речь. Он может представлять как политизированный интеллект и либеральный оппонент правительства, оппозиционный теоретик парламентаризма и реакционный министр, религиозный скептик и ортодоксальный протестантский философ⁷⁴.

⁷¹ Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 41.

⁷² Rémond R. La droite en France... P. 22.

⁷³ Tudesq A.-J. La démocratie en France...; Delbez L. Les grands courants de la pensée politiques...

⁷⁴ См., например: Bagge D. Les Idées politique en France sous la Restauration. Paris, 1952; Bardoux A.M. Guizot.

Эти клише покоятся на представлении о Гизо как об оппортунисте, единственной целью которого было завоевание и удержание власти любой ценой.

Иногда создается впечатление, что биографы Гизо вменяют ему специфический комплекс неполноценности. Для одних он был лишь способным политиком, которому не следовало бы претендовать на звание «великого ученого»⁷⁵. Для других он был примером политика-неудачника, но они же говорили о нем, как о «серьезном историке», по ошибке покинувшем профессию⁷⁶. В 1990 г. Г. Брольи вынужден был констатировать отсутствие комплексной биографии Гизо⁷⁷. Однако и сам Брольи, автор наиболее подробного жизнеописания Гизо, не рассматривал своего героя как политического теоретика.

Первые очерки о Гизо появились вскоре после Июльской революции. Как правило, они были частью общих работ, посвященных истории Реставрации. Сочинения были ангажированы хотя бы в силу того, что большинство историков либо принадлежали, либо симпатизировали проигравшей⁷⁸ или победившей⁷⁹ партии. Во время Второй республики и в начале Второй империи интерес к Гизо как к исторической фигуре отсутствовал. В лучшем случае он становился героем памфлета или злобного анекдота.

В 60-х и 70-х годах XIX в. внимание к Реставрации и к Июльской монархии неожиданно усилилось под воздействием переменившихся политических условий. Определенную роль сыграли публикации многочисленных мемуаров⁸⁰. Тщательно подготовленные «Воспоминания как материалы для истории моего времени» Гизо были полностью изданы в восьми томах с 1858 по 1867 г., т.е. при жизни автора,

⁷⁵ См.: *Broglie G. Guizot*. P. 259.

⁷⁶ См.: *Pouthas Ch.-H. Guizot pendant la Restauration*.

⁷⁷ *Broglie G. Guizot*. P. 10.

⁷⁸ *Lubis E.-P. Histoire de la Restauration*. Vol. I–VI. Paris, 1837–1847.

⁷⁹ *Dulaure J.-A. Histoire de la Révolution française depuis 1814 jusqu'à 1830*. Vol. I–VIII. Paris, 1835–1838; *Vaulabelle A. Histoire des deux Restaurations jusqu'à l'avènement de Louis-Philippe (de janvier 1813 à octobre 1830)*. Vol. I–VIII. Paris, 1844–1852.

⁸⁰ *Guizot F. Mémoires...*; *Beugnot J.C. Mémoires du comte Beugnot Ancien Ministre (1783–1815)*: en 2 vols. Paris, 1866; *Barrot O. Mémoires posthumes*: en 4 vols. Paris, 1875–1876; *Талейран III.М. Записки князя Талейрана-Перигора*. Т. I–IV / пер. с фр. М., 1838–1841.

и изначально претендовали на то, чтобы стать достоянием широкой публики. Сразу после издания на французском языке они были переведены на немецкий, английский и испанский⁸¹. От мемуаров знаменитого историка, экс-профессора и экс-министра публика ожидала гораздо большего, чем от многих других подобных изданий: «Гизо был не простым зрителем событий, волновавших почти целый мир, он был в них самым близким и деятельным участником; долгая жизнь его прошла в самых тесных соприкосновениях с людьми, в судьбе которых интересна для нас каждая мельчайшая подробность»⁸². Подогревало общественное любопытство и то обстоятельство, что воспоминания Гизо выходили, когда еще были живы многие из тех лиц, о которых пишет мемуарист. Он сам признает, что «поступает не так, как многие из [его] современников», поскольку публикует свои воспоминания при жизни и «готов нести ответственность за написанное» в них: «Я делаю это не от скуки бездействия, не для того, чтобы вновь вступить на попрание [политической] борьбы... Я много и жарко боролся в течение жизни. Годы уединения пролили свет на прошлое. С неба чистого и ясного переносу я теперь свой взор на горизонт, покрытый мрачными тучами; всматриваюсь пристально в свою душу и не нахожу в ней ни одного чувства, которое бы отравляло мои воспоминания. Отсутствие желчи позволяет быть откровенным... Желая говорить о своем времени и о своей собственной жизни, я думаю, что это лучше сделать на краю могилы, нежели из глубины ее... Если будут на меня жалобы, чего не избежать, то по крайней мере никто не скажет, что я не хотел слышать этих жалоб и уклонился от ответственности за свои поступки. Есть и другая причина. Большая часть мемуаров издается или слишком рано или слишком поздно. Являясь в свет слишком рано, они бывают или нескромны, или неважны: в них говорится о том, о чем следовало бы еще молчать, или умалчивается о том, о чем бы следовало говорить. Выходя слишком поздно, мемуары часто лишаются своего значения и интереса: они не застают современников, которые могли бы воспользоваться открывающимися в них истинами и испытывать почти личное удовольствие от этих рассказов...»⁸³. Однако первона-

⁸¹ См.: Гизо и его «Записки» // Отечественные записки. 1858. Т. 118. № 5–6. С. 685.

⁸² Там же. С. 686.

⁸³ *Guizot F. Mémoires...* Vol. 1. P. 1–2.

чальный успех книг, связанный с громким именем автора и ожиданием пикантных подробностей из жизни его современников, сменился безразличием, и переизданий не последовало. Гизо признал, что не считает свои мемуары, несмотря на их полное название, историей эпохи, писать которую время еще не пришло. Это его собственная, интимная история, то, что он думал, чувствовал и желал, что думали, чувствовали и желали его единомышленники и политические союзники⁸⁴.

После издания первого тома читатели и критики поняли, что воспоминания Гизо будут не из тех, «в которых часто без всякого такта и умения рассказываются никому, кроме самого рассказчика, не известные подробности о кормилицах и нянюшках, братцах и сестрицах, о золотых играх первых лет и первых лет уроках⁸⁵, о семейных дрязгах и сердечных бурях, о красотах природы и тому подобных стереотипных предметах»⁸⁶. Гизо далек от позиции мемуариста-романтика и ориентируется не просто на просвещенную публику, а на интеллектуалов. Поэтому он начинает свои записи не с детства или студенческих лет, а с момента вступления на общественное поприще.

С помощью мемуаров автор надеялся улучшить собственную репутацию в глазах будущих поколений, но излишнее усердие в данном вопросе привело к тому, что в историографии сложилось мнение о неадекватности источника. Из-за этого поспешного вывода воспоминания Гизо читали преимущественно его биографы, а историки и политические теоретики обходили это многотомное сочинение стороной. Между тем мемуары как раз позволяют увидеть соотношение политической теории Гизо и его размышлений о государственной работе.

После публикации источников были написаны монографии⁸⁷ и общие истории⁸⁸, авторы которых, помимо прочего, достаточно подробно останавливались на теоретической и практической деятельно-

⁸⁴ См.: Ibid. P. 3–4.

⁸⁵ Строчка из В.А. Жуковского.

⁸⁶ Гизо и его «Записки». С. 686.

⁸⁷ *Barante P. La vie politique de Royer-Collard, ses discours et ses écrits. Vol. I–II. Paris, 1861; Guizot F. Le duc de Broglie. Paris, 1870; Calmon A. Histoire parlementaire des finances de la Restauration. Vol. I–II. Paris, 1868–1870; Thureau-Dangin P. Le Parti liberal sous la Restauration. Paris, 1876; Duvergier de Hauranne P. Histoire du gouvernement parlementaire en France (1814–1848). Vol. I–X. Paris, 1857–1871.*

⁸⁸ *Viel-Castel P. Histoire de la Restauration. Vol. I–XX. Paris, 1860–1878.*

сти Гизо. Однако главным недостатком этих работ была скудная информационная база, ограничивающаяся парламентскими архивами и воспоминаниями современников. Авторы создавали политическую историю определенного периода, не придавая серьезного значения развитию идей и доктрин. Подобный подход исключал саму возможность установить истоки мировоззрения Гизо или определить его идейных наследников. Преобладало описание государственной карьеры, в особенности последних ее лет. Это было связано и с тем, что сочинения не принадлежали перу профессиональных ученых, а были написаны политиками, которые смотрели на прошлое с позиции своей партии. Исключением можно считать краткий очерк Ж. Симона «Тьер, Гизо и Ремюза»⁸⁹, опубликованный по материалам одноименного доклада, прочитанного автором на заседании Академии моральных и политических наук 10 ноября 1883 г. Симон объясняет философские основания полемики между Тьером и Гизо, а также связывает разрыв Ремюза и Гизо с переходом последнего на консервативные позиции.

К началу 1880-х годов стало очевидным, что французская политическая жизнь при Третьей республике не требует практического опыта ни Реставрации, ни Июльской монархии и не пойдет по их пути⁹⁰, с чем связана потеря интереса и к фигуре Гизо.

Научный интерес, пришедший на смену политическому в начале XX в., был кратковременным, но обогатил литературу рядом академических работ общего характера⁹¹. Наиболее подробно взгляды Гизо рассматривались в трудах специалистов в области либеральной мысли⁹². Именно эти исследования выходили за рамки политической карьеры доктринера, и помещали в предметное поле его политическую теорию. Однако историографические мифы предыдущего пери-

⁸⁹ *Simon J. Thiers, Guizot et Rémusat. Paris, 1885.*

⁹⁰ Планы новой монархической реставрации потерпели крах, а республика укрепила свои позиции, сделав излишним обращение к политическому опыту 1820–1840-х годов.

⁹¹ *Houssaye H. La première Restauration. Le retour de l'île d'Elbe. Les Cent-Jours. Paris, 1893; Barthélemy J. Introduction du régime parlementaire en France sous Louis XVIII et Charles X. Paris, 1904; Bonnefon J. Le Régime parlementaire sous la Restauration. Paris, 1905; Michon L. Le Gouvernement parlementaire sous la Restauration. Paris, 1905.*

⁹² *Nesmes-Desmarets R. Les doctrine politiques de Royer-Collard. Paris, 1908; Бутенко В.А. Либеральная партия во Франции...*

ода сыграли свою роль — так Р. Нем-Демаре считал доктринеров, и в частности Гизо, оппортунистами и, анализируя их публичные выступления, предлагал объяснять высказанные ими политические взгляды исключительно теми обстоятельствами, в которых была произнесена та или иная речь⁹³. Не стоит и говорить, что при таком методе исчезает всякое постоянство взглядов и разрушается любая теория.

К этому же периоду относится великолепная (без всяких натяжек) книга В.А. Бутенко «Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. 1814–1820» (1913). Она до сих пор, на мой взгляд, остается лучшим исследованием по этому предмету, выполненным на русском языке. Автор помещает взгляды Гизо и его единомышленников в объемный политический и идеологический контекст. В.А. Бутенко рассматривает обстоятельства возникновения партии доктринеров и ее место на идеологической карте первых лет Реставрации⁹⁴. К сожалению, хронологические рамки и незавершенность исследования⁹⁵ ограничили предмет автора лишь генезисом «доктрины» Гизо, в книге подробно рассмотрен только один трактат мыслителя. Гизо также был интересен для Бутенко в связи с формированием российского либерального движения. Теория французского интеллектуала давала ключ к пониманию сочетания сильной центральной власти и независимого от нее представительного органа. Бутенко внимательно прослеживает эволюцию взглядов Гизо на проблему суверенитета, которая заключается в том, кому должна принадлежать решающая роль в государстве: королю или парламенту. Исследователь не называет оппортунизмом ситуативность позиции Гизо (в 1816 г. Гизо выступает за сильную исполнительную власть в лице короля и правительства, в 1820 г., с переходом в оппозицию, защищает парламентаризм, в 1840 г., став во главе кабинета министров, вновь радеет о полномочиях и правах исполнительной власти), но считает ее результатом интеллектуальной эволюции. Исследователь рассматривает также две тенденции в развитии французского либерализма: умеренную, истоки которой восходят к Монтескьё, а в XIX в. ее развивал Гизо, и радикальную, восходящую к философии Руссо, нашедшую продолжение в работах Константа.

⁹³ См.: *Nesmes-Desmarets R. Les doctrine politiques de Royer-Collard*. P. 26, 58–70.

⁹⁴ Бутенко В.А. Либеральная партия во Франции... С. 323–391.

⁹⁵ Второй том так и не вышел в свет.

Первым биографом Гизо стал А. Барду⁹⁶, сформировавший своей работой традицию деления жизни и карьеры Гизо на несколько независимых этапов. Историк⁹⁷ существовал как бы отдельно от политического оратора⁹⁸ и публициста⁹⁹, либеральный теоретик периода Реставрации никак не связан с консервативным министром времен Июльской монархии. Барду не замечает взаимообусловленности исторической и политической концепций Гизо, воспринимая последнюю как некоторую ситуативную совокупность взглядов, детерминированных конкретными политическими задачами, не представляющую научного интереса. Подобный подход не только мешает реконструкции теории Гизо, но заведомо утверждает вторичность политической концепции мыслителя, значение которой ограничивается попыткой ответить на некоторые политические вопросы своего времени.

Автором первой интеллектуальной биографии Гизо стал Ш.-И. Путас¹⁰⁰. Он подробно анализирует формирование взглядов Гизо, изучает детство своего героя, выясняет значение семьи в его жизни. Путаса можно назвать автором первого научного комментария к исторической концепции лидера доктринеров, истоки которой биограф начинает искать не в главных сочинениях, а в ранних текстах Гизо. Эта «археология» позволяет установить влияние идей Гердера, а также немецкой философии¹⁰¹. Однако Путас смотрит на историософию Гизо в контексте романтизма. Именно по этой причине биограф укоряет своего героя в излишней теоретизации и отказе от художественного воплощения прошлого¹⁰². В историографии еще не раз будет сказано о том, что Гизо, которого часто относят к романтикам, не владел искусством художественного воплощения прошлого. Тем не менее, высоко оценив Гизо-историка, Путас пытается оправдать Гизо-политика известной фразой Сент-Бёва: «Не всякий хороший историк становится хорошим политиком». Путас не придает большого значения поли-

⁹⁶ *Bardoux A.M. Guizot.*

⁹⁷ *Ibid.* 115–165.

⁹⁸ *Ibid.* P. 165–193.

⁹⁹ *Ibid.* 193–212.

¹⁰⁰ *Pouthas Ch.-H. Guizot pendant la Restauration.*

¹⁰¹ *Ibid.* P. 13–14.

¹⁰² *Ibid.* P. 6.

тической теории Гизо, считая, что она носила ситуативный характер и была связана с провальной политической карьерой. Тринадцать лет спустя, в 1936 г., Путас издает книгу «Молодой Гизо»¹⁰³, которую можно отнести к жанру романа. Однако, несмотря на некоторые стилистические особенности, книга становится главным источником для биографических справок о первом этапе жизни будущего доктринера.

В советской социальной науке политическая теория Гизо не становилась предметом самостоятельного исследования, однако марксисты достаточно рано открыли Гизо в связи с классовой теорией. Ученые причисляли его к знаменитой плеяде историков периода Реставрации, которые достигли вершин «буржуазной науки» и смогли создать теорию борьбы классов, от которой вскоре отреклись¹⁰⁴. Традиционная заикленность марксистов на известном круге проблем не помешала М. Алпатову заметить существование непосредственной связи между исторической и политической концепциями, которую Гизо «установил совершенно сознательно и считал историю прямым продолжением политики»¹⁰⁵. По мнению Алпатова, существовало два Гизо: апологет Революции 1789 г. и убежденный противник любой другой революции; защитник третьего сословия и лютей враг пролетариата; политический вождь буржуазии, сводящей последние счета с дворянством, и последовательный союзник дворянства; создатель теории классовой борьбы и полностью отвергший идею классовой борьбы реакционер¹⁰⁶. Алпатов стремился показать эволюцию взглядов Гизо от либерализма к «реакционному консерватизму», а вместе с этим проиллюстрировать «реальную природу» либеральной идеологии.

Современник М. Алпатова — Б. Реизов высоко ценил и исторические, и политические сочинения Гизо¹⁰⁷. Академик последовательно парировал выпады невнимательных критиков французского философа и

¹⁰³ Pouthas Ch.-H. La Jeunesse de Guizot...

¹⁰⁴ Fossaert R. La théorie des classes chez Guizot et Thierry // La Pensée. 1955. No. 1. P. 20–32; Алпатов М.А. Политические идеи... С. 84–131; Далин В.М. Историки Франции... С. 17–42.

¹⁰⁵ Алпатов М.А. Политические идеи... С. 85.

¹⁰⁶ См.: Там же. С. 108–120.

¹⁰⁷ См.: Реизов Б.Г. Французская романтическая историография. 1815–1830. С. 173–227.

игнорировал клише, сложившееся в советской историографии¹⁰⁸. Реизов заметил, что исторические штудии были для Гизо не просто исследованием, но и практическим руководством к деятельности, основой его политической философии и государственной работы. В центре внимания академика — понимание Гизо свободы и необходимости. Политическую деятельность Гизо Реизов рассматривал не как ситуативную и оппортунистическую, но как последовательное осуществление философско-исторических взглядов французского интеллектуала, которые эволюционировали от либерализма к консерватизму.

Благодаря марксизму французские авторы периода Реставрации были хорошо известны в России, прежде всего, как историки и авторы теории классовой борьбы. Это тот случай, когда изолированность советской социальной науки позволила не потерять из виду мыслителей, оказавшихся в западной академической традиции за пределами канона.

В 1956 г. вышла новаторская работа испанского историка Л. Диеза дель Корраля «Либерализм доктринеров»¹⁰⁹, на страницах которой проанализированы главные особенности политической теории доктринеров, и в центре внимания оказался Гизо. В фокусе книги — проблема воздействия идей французских мыслителей на испанских философов XIX в.

Два года спустя в Стэнфорде была опубликована объемная историографическая работа С. Меллона «Политическое использование истории: исторические исследования во Франции эпохи Реставрации»¹¹⁰. В посленаполеоновской Франции автор обнаружил Золотой век исторической науки, лучшие представители которой преобрили огромное политическое влияние. Меллон на примере Гизо и Тьера показывает, как интеллектуальное лидерство конвертируется в политический успех. Однако автор обходит стороной политические теории упомянутых историков.

В 1963 г. вышла в свет первая англоязычная биография Гизо¹¹¹, написанная британским историком Д. Джонсоном. Автор, используя

¹⁰⁸ Определяющими для советской историографии были слова К. Маркса, который поместил Гизо в компании папы, царя и Меттерниха во главу союза реакционеров. (См.: *Маркс К.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М., 1955. С. 423).

¹⁰⁹ *Diez del Corral L.* El liberalismo doctrinario.

¹¹⁰ *Mellon S.* The Political Uses of History...

¹¹¹ *Johnson D.* Guizot...

обширный документальный материал, в подробностях реконструировал «превосходную политическую карьеру» французского министра, но не оценил новизну его политической мысли. К слабым местам работы можно отнести и недостаточно критичное отношение исследователя к мемуарам героя.

В 1972 г. профессор Чикагского университета С. Меллон заново переводит и публикует избранные исторические сочинения Гизо¹¹². Во вступительной статье к изданию Меллон рассматривает историческую концепцию доктринера в связи с «французской идеей цивилизации» и принципом перманентной социальной эволюции, во многом повторяя выводы работы Б. Реизова, переведенной к тому времени на французский язык и известной на Западе.

Проблема реинтеграции философского наследия Гизо во французское интеллектуальное пространство возникла в конце 1970-х гг., когда жизнь классических социальных наук представляла собой «некое топтание на месте»¹¹³. Золотой век социальных наук, в первую очередь истории и антропологии, пришелся на 1960-е — первую половину 1970-х годов. Со второй половины 1970-х годов главным для интеллектуалов становится вопрос об основаниях демократии, традиционные ответы на который перестали их удовлетворять. По признанию Пьера Розанваллона, «они знали наизусть Маркса, но по-настоящему не прочли Локка, Гоббса, Макиавелли...» и вынуждены были «назначить себе дополнительные занятия, чтобы нагнать программу»¹¹⁴. Именно в это время для французских интеллектуалов общим становится интерес к работам Токвиля, Констан, Кондорсе.

Одной из главных характеристик интеллектуального пейзажа Франции конца 1970-х годов был окончательный отход значительной части левых от марксизма. Символической датой стал 1980 г. — год смерти Ж.-П. Сартра. Мыслители пытались предложить новые формы и концептуальные инструменты для осмысления современности на основе заново открытого классического наследия национальной политической мысли. В этом ключе выходят работы Г. Брولьи «По-

¹¹² Guizot F. Historical Essays and Lectures / S. Mellon (ed.). Chicago, 1972.

¹¹³ Розанваллон П. Утопический капитализм... С. 12.

¹¹⁴ Цит. по: Каплун В. Пьер Розанваллон: неустрашимость политического // Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. М., 2007. С. 10.

литическая история...»¹¹⁵, «Орлеанизм»¹¹⁶ и Л. Жирара «Французские либералы»¹¹⁷.

По приглашению Мишеля Фуко в 1979 г. Розанваллон выступал в Коллеж де Франс с обзорной лекцией о теоретическом наследии Гизо, во время которой докладчик обращает внимание на оригинальную историческую концепцию лидера доктринеров, а также упоминает малоизвестные политические трактаты последнего. Однако этого оказывается недостаточно для «второго рождения» Гизо в политической теории. Атмосфера публичного семинара Фуко делала подобные доклады не научным, а просветительским событием¹¹⁸.

Ситуация в историографии начала заметно меняться лишь с появлением книги «Момент Гизо»¹¹⁹, после выхода которой Розанваллон окрестил «первооткрывателем» философского наследия Гизо¹²⁰. Исследователь определил период Реставрации и Июльской монархии как «концептуальное время французского либерализма»¹²¹ и органично поместил изыскания Гизо в контекст эпохи, показав их важность для современности. По мнению историка, изучение теоретического наследия лидера доктринеров прольет свет на развитие либеральной политической культуры посленаполеоновской Франции¹²². Розанваллон также разрушил миф «о двух Гизо» — либеральном теоретике и консервативном практике, доказав неразрывную связь доктринерской мысли с государственной политикой орлеанизма. Работа дала импульс для переоценки наследия Гизо в первую очередь французскими политическими мыслителями и историками философии¹²³. Положительная рецензия Л. Джейкобса на книгу Розанваллона, вы-

¹¹⁵ Broglie G. Histoire politique...

¹¹⁶ Broglie G. L'Orleanism. Paris, 1981.

¹¹⁷ Girard L. Les liberaux français...

¹¹⁸ См.: Каплун В. Пьер Розанваллон... С. 9.

¹¹⁹ Rosanvallon P. Le moment Guizot.

¹²⁰ См., например: Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 35, 39; Крашенинникова Ю.А. Публичность и парламентаризм в политической теории Ф. Гизо // Полис (Политические исследования). 2002. № 3 (68). С. 163–174.

¹²¹ Rosanvallon P. Le moment Guizot. P. 75.

¹²² См.: Ibid. P. 29.

¹²³ См.: Manent P. Histoire intellectuelle du libéralisme. Paris, 1987. P. 93–103.

шедшая в “The Historical Journal”¹²⁴, открыла нового Гизо и англоязычному академическому сообществу.

По случаю двухсотлетия со дня рождения Гизо (1987) в Валь-Рише (поместье, купленное Гизо в 1836 г.) состоялась большая конференция, во время которой был создан фонд «Гизо — Валь-Рише». Во вступительном слове Ф. Фюре напрямую связал это событие с выходом книги Розанваллона и назвал Гизо «великим непризнанным французской истории»¹²⁵. Результатом мероприятия стал единственный в своем роде сборник «Гизо и политическая культура его времени»¹²⁶, охвативший множество проблем, таких как отношение Гизо к философии Просвещения и Французской революции, его политическую теорию и практику, а также религиозные взгляды. Участники конференции неоднократно отмечали необходимость целостного подхода к фигуре Гизо, который был и историком, и политическим теоретиком, и выдающимся политиком. На конференции также затрагивалась тема преемственности взглядов Гизо и Токвиля¹²⁷. До этого момента вопрос интеллектуальной близости двух этих мыслителей рассматривался редко¹²⁸ и не был в полной мере осмыслен.

Вскоре после открытия архивов в Валь-Рише вышла в свет лучшая на сегодняшний день научная биография Гизо, созданная Г. Бродли¹²⁹. Говоря об актуальности предмета своего исследования, историк указывает на диспропорции между изученностью теоретического наследия и биографии мыслителя. Картины юности Гизо, важные для понимания истоков мировоззрения, а также подробности его публичной и частной жизни становятся известны благодаря этой книге.

С конца 1980-х годов в отечественной науке и общественной сфере наблюдается рост интереса к проблемам западноевропейского

¹²⁴ *Jacobs L.* “Le Moment Libéral”: The Distinctive Character of Restoration Liberalism // *The Historical Journal*. 1988. Vol. 31. No. 2. P. 479–491.

¹²⁵ *Jaume L.* François Guizot et la culture politique de son temps // *Revue française de science politique*. 1991. No. 3. P. 407.

¹²⁶ *François Guizot et la culture politique de son temps. Colloque de la Fondation Guizot.* Paris, 1991.

¹²⁷ *Jaume L.* François Guizot... P. 407.

¹²⁸ См.: *Diez del Corral L.* Tocqueville et la pense politique des Doctrinaires // *Alexis de Tocqueville. Livre de Centenaire.* Paris: Plon, 1960. P. 57–70.

¹²⁹ *Brogie G.* Guizot.

либерализма XIX–XX вв.¹³⁰ Именно в это время российские исследователи начали воспринимать Гизо как одного из центральных персонажей в процессе формирования и развития французского либерализма первой половины XIX в.

Е.И. Федосова предлагает в условиях российских реалий обратить внимание на теорию представительного правления и концепцию «среднего класса» Гизо. Особенно интересной кажется идея сочетания сильной исполнительной власти и независимой от нее законодательной¹³¹. Гизо настаивал, что «трон — это не пустое место», но призывал сохранять сильный и независимый парламент. Федосова, вслед за П. Розанваллоном, считает, что позиция Гизо во многом была ситуативной, «оппортунистической»: «Если в 1816 г. он выступал как сторонник сильной королевской власти и сильного правительства, после 1820 г. [Гизо в парламентской оппозиции] — как защитник сильной власти парламента, то с 1840 г. Гизо [находился во главе министерства] настаивал на необходимости сильной исполнительной власти»¹³². Федосова полагает, что либеральное движение во Франции дало политического деятеля и философа такого масштаба, которого требовала конкретная политическая ситуация. Именно позиция Гизо трансформировала либерализм 1820-х годов в консерватизм 1840-х годов, заложив основы либерального консерватизма.

В современной российской социальной науке Гизо по-прежнему интересует специалистов в первую очередь как «либеральный историк» и государственный деятель¹³³, традиционно стоящий в одном ряду с А. Тьером, О. Тьерри и Ф. Минье¹³⁴. Оценка роли и значения политической философии Гизо начала меняться во многом благодаря публикации на русском языке двух важных политических трактатов философа в сборнике «Классический французский либерализм».

¹³⁰ См.: Гаджиев К.С. Либерализм и современность // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 15–31.

¹³¹ См.: Федосова Е.И. Франсуа Гизо: историк и государственный деятель // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 57–58.

¹³² Там же.

¹³³ См.: Там же; Федосова Е.И. Франсуа Гизо во главе МИД Франции (1840–1874) // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 136–144.

¹³⁴ См., например: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. М., 2003. С. 355, 409, 416, 458, 466, 567.

Вступительная статья М.М. Федоровой не только привлекает внимание к богатству политической мысли Гизо, но и содержит серьезный анализ французской либеральной традиции. Французский либерализм предстает как умеренное течение, выступающее за сильную власть и против экстремизма. Он представляет собой значительную идейную силу, сыгравшую роль в становлении европейской политической философии. Французский либерализм связан со специфическим характером развития исторической реальности — в первую очередь с особенностями Революции, которая ввела разрыв в ткань понимания исторического и политического, поставив принципиальный вопрос о смысле демократического идеала. Поэтому основной темой французского либерализма выступает проблема соотношения демократии, воплощенной в идее народного суверенитета, и либерализма с его принципом свободы, проблема взаимоотношений между гражданским обществом и его политической властью¹³⁵.

Гизо интересен российским исследователям и как фигура классического интеллектуала, не отрешенного от реальности. Философ стремился выработать не только концептуальные средства для осмысления новой исторической ситуации, но и стратегии политического действия, т.е. он не просто разрабатывал теорию, но считал необходимым возможность ее перевода в практическое пространство. Речь шла о сокращении дистанции между интеллектуалом и политиком. Федорова считает, что именно по этой причине тексты Гизо не выдержаны в жанре политического трактата, характерного для политической теории XVIII в. Работы Гизо «носят чисто ситуативный характер, сочетают в себе политическую рефлексию и накопленный опыт государственного управления. В каждой из этих работ автор выступает и как теоретик, и как историк, и как человек, непосредственно вовлеченный в политическое действие»¹³⁶. «Ситуативность» философии Гизо для Федоровой закономерна и понятна: мыслитель воспринимает политику не как искусство, но как технологию.

Рост интереса к философии Гизо сделал возможным появление первой монографии, посвященной его политической теории. Это ра-

¹³⁵ См.: Федорова М.М. Классический французский либерализм первой четверти XIX века. С. 5–6.

¹³⁶ См.: Там же. С. 7.

бота Н.П. Таньшиной «Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма»¹³⁷, на страницах которой впервые в отечественной литературе предпринята попытка комплексного подхода к изучению социально-политических взглядов Гизо и их реализации на практике. Несмотря на малый тираж и полиграфические изъязны издания, книга на сегодняшний день представляет собой наиболее подробное из русскоязычных исследований политической философии Гизо. Таньшина дистанцируется от крайностей интерпретации политической философии своего героя. Гизо для нее не «реакционер-консерватор» и не «классический либерал», а сторонник умеренного либерализма, либерал-консерватор. В центре исследования — изучение идеологии орлеанизма как концепции «золотой середины», равноудаленной от крайностей республики и абсолютной монархии. Гизо же является неким проводником, связующей нитью, с помощью которой можно глубже понять политическую культуру посленаполеоновской Франции. В 2016 г. в свет вышла обновленная и лишённая полиграфических недостатков версия исследования Н.П. Таньшиной «Франсуа Гизо: политическая биография».

Признание воздействия социально-политических взглядов доктринеров на социологию и политическую теорию Токвиля, породило неожиданный интерес американских и британских специалистов к теоретическому наследию Гизо и его рецепции у Токвиля¹³⁸. В современной англоязычной историографии первенство в разработке этих вопросов принадлежит А. Крейуту¹³⁹. В своей главной книге «Либерализм под осадой: политическая мысль французских доктринеров» он признался, что пришел к доктринерам через Токвиля, задавшись вопросом: «Как молодой человек двадцати шести лет, каким был Токвиль, смог написать книгу, ставшую бессмертной?»¹⁴⁰. Этот первоначальный интерес заставлял многих искать источники и ре-

¹³⁷ Таньшина Н.П. Франсуа Гизо: теория и практика...

¹³⁸ Varouxakis G. Guizot's Historical Works and J.S. Mill's Reception of Tocqueville // History of Political Thought. 1999. No. 2. P. 26–30; Craiutu A. Tocqueville and the Political Thought of the French Doctrinaires...; Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 93–100.

¹³⁹ См.: Craiutu A. Between Scylla and Charybdis: The “Strange” Liberalism of the French Doctrinaires // History of the European Ideas. 1999. Vol. 4–5. P. 243–265; Craiutu A. Liberalism under Siege...

¹⁴⁰ Craiutu A. Liberalism under Siege... P. 2.

конструировать интеллектуальную среду, в которой расцвел талант Токвиля. Именно таким способом исследователи выходили на группу малоизвестных в англосаксонской традиции политических теоретиков — доктринеров, которые находились в зените славы и влияния в 1814–1848 гг.

Я искренне благодарен Ирине Максимовне Савельевой и коллегам из Сада Ученых Наслаждений — Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева (ИГИТИ НИУ ВШЭ).

Matveev, Sergey R. Liberty and Order. The Liberal Conservatism of François Guizot. [Text] / Sergey R. Matveev; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2019. — 232 pp. — 300 copies. — ISBN 978-5-7598-1911-0 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-2034-5 (e-book).

This monograph presents the first attempt of recreating the political theory of French liberal conservatism using the works of François Guizot. It tries to reconstruct the intellectual landscape of the Second Restoration and the July Monarchy. Guizot's political theory is ascertained as the philosophical foundation of liberal conservatism. The founding components of the doctrine of liberal conservatism, which was an important part of political dispute and public life in XIX-century France, are clarified. By studying this movement, it is possible to uncover conflicting trends in the establishment of civil society and the rule of law in France. The works of François Guizot (1787–1874) have become the theoretical foundation of this process. Philosophical grounds of the liberal conservatism are derived from analyzing the key concepts of his studies, such as liberty and equality, sovereign authority, teleology and history of philosophy.

The book is designed to historians, philosophers, experts in political thought and historians of ideas, as well as teachers and students of humanities.

Научное издание

Матвеев Сергей Рафисович

**Свобода и порядок: либеральный консерватизм
Франсуа Гизо**

Зав. книжной редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *В.Е. Красавцева*

Компьютерная верстка: *Н.Е. Пузанова*

Корректоры *Е.Е. Андреева, И.В. Яцкевич*

Дизайн обложки: *В.И. Каменева*

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,

тел.: 8 (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 13.09.2019. Формат 60×88/16

Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 14,1. Уч.-изд. л. 12,0

Печать офсетная. Тираж 300 экз. Изд. № 2227. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13,

тел.: (8352) 56-00-23